

Третий Хокаге вздохнул, давая себе минуту, чтобы успокоиться. — Мне очень жаль, Наруто-кун, что так долго скрывал от тебя правду, — проговорил он, поднимаясь со стула и направляясь к старинному ящику. — Я и представить себе не мог, что такое может произойти... — бормотал он, копаясь в ящике, пока не извлек из его недр синюю папку. Вернувшись к столу, он сел, а генин терпеливо ждал. Несколько минут Хокаге пристально изучал папку, затем открыл ее, извлек фотографию и протянул ее Наруто. Глаза Шарингана, засветившиеся на лице блондина, расширились от удивления. На снимке была изображена молодая женщина, одетая в красную форму джоунина Конохи. Она была невероятно красива, самой прекрасной из всех, кого когда-либо видел Наруто. Алебастровая кожа, контрастирующая с длинными волосами цвета темного оникса, и ослепительная улыбка, способная прогнать любую тьму. Наруто не мог сдержать слезы, которые ручьями текли по его щекам, пока он смотрел на фотографию. — Ее звали Учиха Кагоме, — прозвучал тихий, чуть хриплый голос Сарутоби, прервав его мысли. — Одна из самых талантливых куноичи Конохи. — В его голосе слышалась гордость, смешанная с ностальгией. — За свои подвиги во время последней войны она получила прозвище "Багровый Ворон Учиха", за мастерское владение Шаринганом и... пристрастие к воронам в своих дзюцу, особенно в гендзюцу. — Сандайме словно погрузился в воспоминания. — Да... Она была настоящим мастером гендзюцу. Могла легко обмануть целую комнату, полную членов кланов Учиха и Хьюга, и никто бы не заметил. — Глаза Наруто сузились, и он едва слышно прошептал: — Она... была...? Старый шиноби на секунду закрыл глаза, и его голос звучал хрипло: — Да... Она погибла в день нападения Кюуби-но Кицунэ, родив сына. — Взгляд Сарутоби остановился на юном генине, и глаза мальчика расширились от неожиданности. — Она - твоя мать, Наруто-кун. — От удивления Наруто сделал шаг назад. — Что значит "моя мать"? Я не Учиха! Я даже не похож на него! — Мальчик протестующе закричал, глядя на Хокаге. Сандайме опустил взгляд на пол, затем поднял его к портретам предыдущих Хокаге. — Да, ты не похож на члена клана Учиха... Но это потому, что ты унаследовал свои физические черты от своего отца, Намикадзе Минато, Хокаге Йондайме. — заявил Сарутоби. Глаза Наруто расширились ещё больше. — Четвертый...? Мой отец? — воскликнул он, не веря своим ушам. Третий кивнул. — Да... Мало кто знал об отношениях между Минато и Кагоме, и ещё меньше людей знали, что они ждали ребенка. — Глава деревни сообщил, а затем продолжил: — После того, как ты родился и остался сиротой, мы решили, что будет безопаснее дать тебе другое имя. У твоих родителей и так было много врагов, а ребенок элитной Учихи и Хокаге не остался бы незамеченным в мире шиноби. Поэтому, чтобы защитить тебя, ты стал Узумаки Наруто. — Сарутоби говорил с чувством вины в голосе. — Хехе... — Блондин невесело усмехнулся. — Мне всегда было интересно узнать о своих родителях... — признался мальчик. — Я даже думал, что, возможно, у меня их никогда не было, что я просто вырос из земли. — Слезы, бежавшие по его щекам, обрамляли его хрупкую и фальшивую улыбку. — Но, наверное, у меня все-таки были родители, пусть и всего на час или около того... Сарутоби не удивился бы, если бы в его глазах тоже стояли слезы. — Да, Наруто-кун. — начал он. — И оба они любили тебя всем сердцем. — Пожилой мужчина заверил юношу. — Кагоме пожертвовала своей жизнью, чтобы привести тебя в этот мир, а Минато отдал свою, чтобы создать печать, которая позволила чакре Кюуби влиться в тебя, чтобы защитить тебя. — Трид дал генину с острыми волосами пару минут, чтобы его слова дошли до сознания. — Их последним желанием было, чтобы ты вырос сильным и здоровым человеком, способным осуществить любую свою мечту. Я планировал рассказать тебе обо всем этом, как только ты будешь готов, и мне жаль, что я не понял, что ты уже давно готов. — Хокаге подчеркнул свои извинения, отвесив блондину небольшой поклон. На лице джинчуурики появилась ещё одна улыбка, и, хоть и небольшая, но более сильная и яркая. Пусть он и не показывал этого в полной мере, но юноша был счастливее всех с тех пор, как стал шиноби. Осознание того, кем были его родители, и того, что он был по-настоящему любим ими, наполняло генина теплом. И все же где-то в глубине его радости что-то привлекло внимание мальчика. — Погоди-ка, старик. — Блондин сказал. — Вы сказали, что не ожидали, что я пробужу Шаринган, почему? — спросил

он. Хокаге вздохнул, он знал, что этот вопрос быстро приближается. — Ну, видишь ли, линии Намикадзе и Учихи слишком доминируют. Они имеют тенденцию подавлять любые другие генетические черты, с которыми они вступают в контакт. Идея о том, что две линии крови найдут золотую середину и пойдут на компромисс друг с другом, была невысказана. — Третий наблюдал, как остроухий мальчик поднес руку к глазам. — И когда я впервые посмотрел на тебя и увидел, что ты - вылитый твой отец, я решил, что род Намикадзе победил. — Наруто кивнул в знак благодарности за объяснение. — Значит... Этот Шаринган... Сандайме кивнул. — Докажи, что я ошибался и что черты Учихи и Намикадзе каким-то образом нашли способ слиться воедино. — заявил Сарутоби. — Из того, что ты мне рассказал, я думаю, можно сделать вывод, что, когда ты начал насильно лишать Кюуби его чакры, это послужило катализатором, объединившим две кровные линии. — Он пояснил и подождал, пока молодой шиноби проявит понимание. — И я даже осмелюсь предположить, что после того, что, по твоим словам, произошло, когда Итачи попытался использовать свое гендзюцу во второй раз, твой шаринган проявляет черты Магенкю-шарингана, следующей ступени в додзюцу Учихи. — На лице джинчуурики появилось задумчивое выражение. — Да... У Итачи он был... Шаринган странной формы. — заметил Наруто. Хокаге пару минут обдумывал его слова. — У тебя устали глаза, Наруто-кун? — спросил он, понимая, что юный генин, должно быть, активировал свое додзюцу с тех пор, как оно впервые пробудилось. Джинчуурики растерянно посмотрел на старшего шиноби. — Нет, не совсем... — ответил мальчик, покачав головой. — Сделай одолжение, сосредоточься на том, чтобы перекрыть поток чакры в глаза, Наруто-кун. — попросил Сандайме. Глава деревни наблюдал, как из глаз блондина исчезают белые комы, а темно-синий цвет возвращается к своему первоначальному сапфировому оттенку. Наруто несколько раз моргнул, когда странное ощущение замедленного движения исчезло. Без труда стряхнув странное ощущение, генин вернулся к нормальной жизни. Сарутоби терпеливо выждал, пока юноша не подал знак, что готов слушать. Лишь тогда, с едва заметной улыбкой, он начал: — Мангекё Шаринган — кеккей-генкай, что подобен яду. Даже после первого пробуждения он опустошает своего носителя, отнимая большую часть чакры и оставляя лишь пустоту и боль. Но ты стоишь передо мной, значит, твой Шаринган сумел подчинить себе эту силу, обойдя ее ужасные последствия. Юный джинчуурики был поражен. Он вспомнил, как трепещущие листья смотрели на него сквозь Шаринган, как он спасся от второго удара Итачи, когда тот пытался заманить его в странное гендзюцу.